

14 мая ушла из жизни Надежда Николаевна Гашева — литературный критик, редактор Пермского книжного издательства, заслуженный работник культуры РСФСР. Она была первым редактором произведений таких писателей и поэтов, как Виктор Астафьев, Лев Давыдычев, Алексей Решетов, Леонид Юзефович, Алексей Иванов и многих других. По просьбе «Вещи» главный редактор Пермского книжного издательства Альмира Зебзеева написала о жизни и творчестве своего многолетнего друга и коллеги.

Вся жизнь Надежды Гашевой была напоена и пропитана хорошей прозой и хорошими стихами. (С существенной оговоркой: ага, а сколько словесной макулатуры довелось ей пропустить через себя за эту жизнь, чтобы отсечь бездарное и безграмотное и опубликовать подлинно достойное и ценное.) Высокая мера вещей, литературный вкус прививались и воспитывались не только в студенчестве, изысканной филологической школой отменных педагогов Пермского университета, не только каждодневной издательской практикой, но изначально, в первую очередь — книгами, которые читал им с братом отец.

Николай Павлович Пермяков был сугубым технарём, инженером-строителем, математиком и шахматистом. И воином: прошел фронтами Великой Отечественной, был тяжело ранен. Он был человеком той породы, в которой ответственность за свое сугубо техническое дело, стремление к точности и определенности формулировок и поступков тесно переплелись с тонким чувством родного слова, восторженным удивлением перед фактом безупречной лирической поэзии или совершенной прозы. Николай Павлович торопился прочитать детям всё, чем не уставал наслаждаться сам. Он, кстати, и внукам читал «Войну и мир», когда Ксюше было всего девять. Может быть, оттуда сегодняшнее бесстрашие драматурга Ксении Гашевой перед классикой любых объемов и любой стилистики: не случайно так отважно и чутко она инсценирует для театра Гомера и Астафьева, Гари и Войновича, Шукшина и Иванова.

Вот так же бесстрашно читала в юности своей Надежда Гашева собственные стихи. На фотографии в сборнике «Княженика» (1968) она такая, какой была в ту молодую пору, — с сигаретой в руке наотлет, увлеченная внутренним ритмом стиха, который еще горяч на губах:

*...Шаги — измеренье комнат.
Шаги — измеренье планет.
Еще ни одной знакомой
Тропки на свете нет.
Но что для тебя запреты,
Искорка мятежа?
Коль сложена, да не спета —
Песни не удержать.
...Корабль да буря,
Любовь да пуля —
Дороги мужчин круты.
Костер да поле,
Простор да воля —
Кто,
если не ты?..*

Поэма называлась «Бунтари». И в самой Надежде kloкотал мятеж, бунт, вызов. Это была единственная ее солидная поэтическая публикация. Да, кажется, и последняя. Она будто разом обрубила и отрунула потуги стать поэтом-профессионалом, окончательно приняв иное назначение, избрав для себя иную форму жизни в литературе. Она стала редактором. Она стала издателем. И вот тут достигла подлинно профессиональных высот.

Судьба книгоиздательского дела в Прикамье — а ему давно пошел третий век — складывалась самым загадочным образом, и была тьма причин тому, что отдельные его периоды оказывались тусклы и безлики, а другие вспыхивали сиянием ярчайших протуберанцев. Конец 1960-х, 1970-е, начало 1980-х — эти годы, несмотря на жуткую централизацию книгоиздания в стране, предельную идеологизацию всего и вся, обернулись для Пермского издательства плодотворнейшим творческим взлетом, который сделал пермскую книгу в ту пору таким же, как сказали бы сейчас, культурным брендом Прикамья, как балет и деревянная скульптура. Книжные миниатюры, поэтические малоформатки, библиотеки и серии отечественной и зарубежной классики составляли славу Перми, выводили ее на уровень одного из самых интеллигентных городов страны. За очень многими из этих славных явлений стояла Надежда Николаевна Гашева с ее безупречным литературным вкусом и необъятным кругом филологических знаний. Вот, например, уютные стихотворные томики, составившие убедительную и чрезвычайно удобную для пользования библиотеку. Они выходили

(и расходились!) стотысячными тиражами — по две книги в год, по тому из русской поэзии века XIX и XX. Надежда Николаевна конструировала ряды славных имен, формировала массив каждого сборника и к каждому писала вступительную статью. Эти статьи по объему равнялись справкам-аннотациям, но по содержанию, емкости информации, красоте и точности определений были законченными эссе.

Составлялись цепочки книг, заставляющие ценителей ждать и караулить выход каждой следующей, и отдельные сборники, завораживающие оригинальностью идеи и выразительностью подачи. Вот, например, одна из последних (по времени существования издательства) серий — «Домашние вечера». Вышло четыре тома, но каких: «Детвора», «Призраки», «Пойман с поличным», «Канитель» — удивительные тематические подборки рассказов и коротких повестей классиков мировой и отечественной литературы. И опять не просто подборки: каждое издание продумано от вступительной вклейки иллюстраций «из времени» до цепляющих внимание цитат на входе в книгу, и, конечно, умная филологическая аннотация, определяющая место жанра, как острова, в океане литературы. Надежда Николаевна и сама купалась в классическом материале, и с царственной щедростью умела его интерпретировать и преподнести. Однако просветительская линия в ее редакторской деятельности сполна позволяла самовыражаться, но не была главной. Главным было живое участие в том, что рождалось на глазах. Перед провинциальным (в территориальном смысле) издательством всегда стоит задача развития местной литературы. Вокруг него клубится круг маститых и начинающих авторов, на стол редактора каждый день ложатся рукописи нескончаемого «самотека». Любой признанный писатель ждет отзыва редактора-первоочитателя на свое новое творение так же нервно, как литератор-неофит, впервые переступивший порог издательства. Порадоваться успеху, искренне погоревать над неудачей, подсказать выход, показать, как поддержать «шатающуюся» конструкцию, как сделать выразительней и чище стиль — роль Надежды Николаевны в этом процессе была неоценимой. Ее вкусу доверяли все.

К ней тянулись всегда, с ней хотелось и возможно было разговаривать не о житейской ерунде, а о высоком — о том, что больно, или о том, что дорого. По душам о душе. И вот что закономерно. В университетские и послестуденческие времена у нее были замечательные собеседники из очень даже старшего поколения — в основном из поколения ученых. Филологи Сарра Яковлевна Фрадкина, Римма Васильевна Комина, Соломон Юрьевич Адливанкин, профессор-историк Лев Ефимович Кертман и многие другие сначала были преподавателями, а потом оставались друзьями. Они, несомненно, влияли на ее мировоззрение, наращивали мускулы ее эрудиции, но и сами искали общения с нею, словно в этих разговорах и спорах, на оселке ее живого молодого ума оттачивали и проверяли градус собственной убежденности и убедительности. Ее дарили своей дружбой Лев Иванович Давыдычев и Алексей Леонидович Решетов. Они дорожили ее доверием, а она не уставала поражаться неожиданности и непредсказуемости подлинного таланта. И так же закономерно стала притягательной личностью Надежды Николаевны для поколений последующих — для тех, кто только ступил на путь служения литературе. В 1970-е годы Гашевой опрометчиво предложили вести на родном филфаке творческий кружок.

Писатель Вячеслав Запольских вспоминает:

— Она не учила нас писать стихи или прозу. Она погружала в тот еще не совсем разрешенный и частично запретный мир отечественной поэзии, художественных и политических идей, который в 70-е годы был немножко приглушенным. И из-за этих разговоров ей отказали в руководстве творческим кружком. Это не помешало нам продолжать общаться — у Гашевых дома или в кафе...

Так и было. Прямая в оценках, честная в своих суждениях, она разговаривала с молодыми как привыкла — бесстрашно и безоглядно. Они интересовали ее не только и не столько

как дарования, сколько как личности. Ее кружковцы становились писателями и поэтами, да так и оставались друзьями дома. Как оставались друзьями этого дома многие из тех, кто с ее помощью когда-то выпустил свою первую книгу. Нежна и тепла была дружба с Ириной Христолюбовой, с Анной Бердичевской, сегодня московским издателем, с Семеном Ваксманом, замечательным геологом и талантливым писателем, с Алексеем Ивановым, чей первый роман вышел именно в ее редакции. Став признанным и маститым, он трепетно ждал ее отзыва на каждую новую свою книгу...

Гашевы в Перми — имя значимое. Это клан филологов, влияющих — каждый по-своему — на культурную составляющую жизни края: журналисты, ученые, литераторы. Вот уже и третье поколение — внучка Катя — уверенно входит в литературу. Но, как выразился в одной из своих публикаций Юрий Беликов, Надежда Николаевна — «может быть, самая именитая из Гашевых. Многолетний редактор Пермского книжного издательства, пестовательница дарований, гремучая смесь Зинаиды Гиппиус и Жорж Санд!»

В конце 1990-х не стало государственного издательства-монополиста, но не угасло издательское дело в Перми, и все последующие годы Надежда Николаевна продолжала это дело с привычным тщанием и профессионализмом. Нередко уже при участии дочери Ксении, ставшей ее правой рукой. Среди множества выполненных ими работ — такие значительные, как многотомная (к сожалению, незаконченная) библиотека «Пермь как текст» по проекту Алексея Иванова, возвращенные из небытия книги русского коннозаводчика Якова Бутовича, новые романы Юрия Асланьяна, «Антология традиционного фольклора народов Прикамья», удостоенная краевой премии за лучшие работы в области культуры, и многие-многие другие замечательные, заметные и замеченные работы, подготовленные и выпущенные в лучших традициях пермского книгоиздания.

В последние годы литературные тексты в доме Гашевых звучали уже не как прежде, по вечерам, для общей радости, а почти непрерывно с утра до вечера. Надежда Николаевна их слушала, потому что отказали глаза. Она получала иное, новое впечатление от давно знакомого, угадывала в нем новые и новые оттенки — и наслаждалась. Она остро реагировала на все, что происходит в стране и мире, оставалась умным советчиком друзьям-литераторам, деятельно участвовала в творческих делах дочери, переживала за судьбу внучки.

В очерке Лидии Чуковской о Бродском есть такие строки: «Интеллигенция, не утратившая бескорыстия и бесстрашия мысли. Ее мало во всем мире. Но она все-таки есть. Она ничего не может переменить — в настоящем. Мир движется своими путями,двигаемыми не ею. Но все плодотворное — от нее: эстафета культуры передается ею. Она постоянно разбита на голову — и всегда победительница»¹. Надежда Гашева была подлинным интеллигентом. И всегда победителем. Бойцом, бескорыстным и бесстрашным: живой и умный взгляд, сигарета в руке наотлет, горячая речь, горячая душа.

Проводив Надежду в последний путь, перед живым, молодым ее портретом поставили рюмку, накрыли хлебушком... И печальное возражение пришло на ум: увы, слова Лидии Чуковской о победительности подлинной интеллигентской природы — только красивы. Есть сила, которая, увы, одолевает любого, будь он стократ жизнелюбив и стоек. Но вот ее нет, а ты всё говоришь с ней и говоришь... И друзья признаются в том же. Значит — что? Вот именно.

¹ Лидия Чуковская. Процесс исключения. М.: Эксмо, 2007. С. 634.